

The book cover features a man with dark hair and a light beard, wearing a dark suit and a white shirt, looking directly at the viewer. To his right is a woman with long, dark hair, wearing a red top and a black lace choker. She has a bite mark on her neck and her eyes are closed. The background is a dark, gothic-style interior with arches and wood paneling. The overall color palette is dominated by reds, blacks, and dark blues.

МАТИЛЬДА
АВАЛАНЖ

18+

ЛАКОМАЯ

В АКАДЕМИИ ВАМПИРОВ

Матильда Аваланж
Лакомая в Академии вампиров
Серия «Хроники
темной крови», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67693079

SelfPub; 2022

Аннотация

Говорят, из двух зол нужно выбирать меньшее, но не в моем случае. Я оказалась в центре вражды всемогущего князя вампиров и его злобного сына. Стала яблоком раздора, игрушкой мужских страстей, трофеем, который достанется лишь победителю. Теперь я должна выбрать: высокомерный дьявол или беспощадный монстр? Потому что от них двоих мне точно не сбежать...

Вторая книга цикла "Хроники темной крови". Можно читать отдельно от остальных книг цикла.

Содержание

Часть 1. Запах	4
Глава 1. Если тебя отчислили...	12
Глава 2. Фея-крестная с клыками	23
Глава 3. Шелка и маски	34
Глава 4. Магия крови	47
Глава 5. Мы упали	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Матильда Аваланж Лакомая в Академии вампиров

Часть 1. Запах

Лиззи вздернула подбородок и попыталась казаться не такой испуганной. Она хотела выглядеть независимой – насколько это возможно... Хотя в ее положении слово “независимость” звучало просто глупо и даже смешно.

Ректор Академии вампиров был мечтой всех девушек в их учебном заведении. Статный красавец с колючими голубыми глазами, потрясающей фигурой и легкой проседью в темных волосах – по нему сходили с ума, боялись и обожали.

А про его личную нагайку и вовсе говорили только шепотом. Сложное плетение хлыста, резная рукоять из берёзы – прикорневая часть дерева и шлепок из телячьей кожи. Изящные мужские пальцы сжимали хват, чуть поигрывая шахматным узором плети.

Чего только не болтали!

Мол, будто невиданная магическая сила заключена в хлысте, а в рукояти спрятан клинок дамасской стали... Еще шел

слух, что это аккумулятор всех двадцати способностей князя, иначе – почему он с ней не расстаётся?

– Отвратительное платье, десмондка, – бросил князь, лениво растягивая гласные. – Кроила его из хозяйственной сумки?

Лиззи вспыхнула. Её любимое платье в клетку с отложным воротничком! Она отпарывала его каждый вечер, крахмалила, чтобы наутро он стал кипенно-белым, хрустящим и пришивала вновь. Это превратилось в привычку, в ритуал, стало неизменной частью ее пребывания здесь.

Дресс-код в Академии вампиров – атрибут необязательный, истые его не соблюдают, но Лиззи сама по старым выкройкам из архива сшила форму первейшего образца, и втайне очень этим гордилась.

– Ваше Сиятельство, я не... – начала девушка, но князь перебил:

– Ты поняла, что я хочу?

Лиззи опустила голову и почувствовала себя жалкой, потерянной. Не услышав ответа на свой вопрос, Константин Леоне с раздражением повторил громче.

Девушка убито кивнула и, стараясь не смотреть ректору в глаза, неловко высвободилась из платья, оставшись перед Константином в одном нижнем белье. Даже Виктор никогда не видел ее такой! Лиззи была готова провалиться сквозь землю: не только потому, что впервые предстала полуобнаженной перед мужчиной, но и потому, что стыдилась своего

бюстгальтера марки «Любава» и хлопковых трусиков с крупными белыми ромашками по синему полю. У его любовниц, наверное, дорожные кружевные комплекты, не чета Лиззиному...

Но почему тогда под презрительным взглядом князя тёмных сладко заныло внизу живота, а соски напряглись, четко обозначившись сквозь плотную ткань?

– Платье в камин, этот страшный лиф туда же, – коротко приказал Константин. – Трусики... а знаешь, десмондка, мне они нравятся. У тебя в них такой глупый вид! Можешь оставить.

– Спасибо, Ваше Сиятельство, – заикаясь, прошептала девушка.

Трясущимися пальцами она принялась расстегивать застежку бюстгальтера, но та никак не поддавалась. Развалившись в кресле, Константин Леоне задумчиво наблюдал за ее потугами.

– Ты такая неловкая, что это даже забавно, – усмехнулся князь и небрежно шевельнул пальцами.

Лиззи вскрикнула от секундной боли – мгновенно расплавившаяся металлическая застежка обожгла спину.

Одной из сверхспособностей Константина Леоне была власть над металлом. Лиф упал к ногам девушки, высвободив аппетитные полные груди с набухшими клубничинами сосков.

Вся пунцовая от стыда, Лиз сделала движение, чтобы за-

крыть их руками. Она не могла выносить тяжелого взгляда князя темных, от которого между ног вдруг стало горячо-горячо, а все тело наполнилось тягучей истомой.

Это было так стыдно, позорно, но в то же время так сладко...

Но настоящий испуг, граничащий с шоком, Лиззи испытала от того, как отреагировало её тело на прикосновение собственных рук к собственной груди. Напрягшиеся соски отозвались ноющей болью, моля о том, чтобы их сжали, тербели, ласкали...

– Я голоден, десмондка, – точно из-за пелены услышала Лиззи голос Константина Леоне. – Накорми своего хозяина!

Сейчас! Сейчас он велит ей опуститься на колени и подползти к его креслу, отдав в свое полное распоряжение свою лебединую шею. От одной только мысли об этом её лоно, прикрытое лишь тонкой хлопковой плоской трусиков, наполнилось влагой.

– Подойди к бару. Открой! – отрывисто приказал великий князь.

Но что это? Константин хочет совсем не того, что Лиззи боялась, но втайне вожелела сейчас сделать!

Мини-бар в номере ректора Академии вампиров вделан прямо в стену, обшитую баснословно дорогим алойным деревом – триста тысяч лей за килограмм. Разгоряченная, неудовлетворенная, сгорающая от стыда из-за своей похоти, не понимающая, что происходит, Лиззи дернула ручку.

В его морозном нутре, обложенная кубиками льда, лежала прозрачная амфора с рубиновым содержимым, и стоял один единственный бокал из горного хрусталя, инкрустированный алыми и белыми бриллиантами.

Обжегши пальцы о ледяное стекло, Лиззи поставила амфору и бокал на поднос и, замирая от страха уронить, осторожно приблизилась к князю.

– Знаешь, что там? – поднял бровь Константин Леоне. – Ну, само собой, откуда тебе знать... Кровь святой Марии-Терезии, великой праведницы, которая жила пятьсот лет назад. Отвратительная на вкус, но чрезвычайно питательная кровь группы бета, благодаря магической печати на пробке она должна быть свежайшей. Вот только иначе, чем в холоде кровь храниться не может. Я хочу, чтобы ты отогрела ее, десмондка. Грудью.

Вся дрожа от непристойности его желания, от какого-то странного возбуждения Лиз пристроила запотевшую амфору меж своих сочно-выпуклых грудей. Холод стекла обжег разгорячённую кожу, и от этого контраста Лиззи вскрикнула. Даже самой себе боялась признаться, что алкала того, чтоб вместо этой старой крови, ректор выпил бы ее кровь, Лиззину.

То, с каким жадным интересом наблюдал за ней Константин, вызвало внизу живота новый прилив страстного томления и влага, сочащаяся из ее лона, проступила сквозь трусики.

Сама не зная, зачем это делает, но не в силах удержаться, Лиззи сжала амфору грудями крепче, поглаживая тонкими пальчиками затвердевшие соски. Лед запотевшего стекла обжигал кожу, она не могла больше терпеть эту боль, но в то же время не хотела, чтобы эти острые ощущения прекратились.

– Признайся, десмондка, – хрипло проронил князь. – Ты хотела, чтобы на месте этого сосуда был мой член? Ты хотела, чтобы я поимел тебя между грудей?

Плеть нагайки, которую мужчина сжимал в руке, ожила, зазмеилась, обвивая тело Лиззи, шлепок на ее кончике пощекотал сначала один сосок, а затем второй.

Она никогда не видела мужской член вживую, да по правде, до этого не испытывала подобного желания, скорее, наоборот, мысль об этом вызывала отвращение и страх.

Но озвученный Константином Леоне вопрос заставил ее вскрикнуть от возбуждения и запрокинуть голову назад, представляя постыдную и сладкую картинку в мельчайших подробностях. Синие в ромашку хлопковые трусики насквозь пропитались ее влагой. Шлепок плети едва коснулся набухшего бугорка через мокрую ткань.

– Нет, Ваше Сиятельство! – простонала Лиззи, не в силах терпеть адову муку. – Нет, я не хочу!

Шлепок нагайки, этот юркий язычок, формой чем-то похожий на головку члена, нырнул прямо за ширинку ее трусиков. Ощувив нежное прикосновение мягчайшей телячьей

кожи к исходящему влагой бугорку, Лиззи всхлипнула.

Что с ней вообще происходит? Отличница, староста группы десмондов, примерная девочка ведёт себя, как последняя развратная шлюха, умирающая от наслаждения из-за плетки, которой ректор академии орудует у нее в трусиках! Стыд, удовольствие, вожделение, страх, похоть – все смешалось в один пикантный коктейль, оторваться от которого – выше Лиззиных сил.

И тем ужаснее было горькое разочарование, когда кончик нагайки вдруг пропал. Лиззи тяжело дышала, желая только одного – чтобы он вернулся, чтобы ласкал ее.

– Правду! – властно приказал князь. – Скажи правду, десмондка!

– Да, я хочу! – воскликнула Лиззи, задыхаясь, стыдясь и возбуждаясь от своих слов. – Я хочу, чтобы вы имели меня между грудей! Я хочу сжать ваш член своими грудями!

– Хорошая девочка, – усмехнулся князь. – Ты заслужила...

Шлепок снова нырнул в трусики и надавил на ее лоно, тебя податливые складочки, а потом вошел глубоко в ее дырочку и задвигался вверх-вниз, точно нежный поршень.

– Да! -закричала Лиззи, содрогаясь от бешеного оргазма. В сумасшедшей эйфории она позабыла обо всем на свете, нагретая амфора с кровью выскользнула и разбилась бы, если бы Константин Леоне ловко не поймал ее. Быстрота реакции так же была одной из сверхспособностей князя темных.

– Мне следовало наказать тебя за то, что чуть не разбила ценный сосуд, но ты нагрела эту кровь идеально, даже вкус ее не кажется таким отвратительным, – проговорил Константин Леоне, смакуя рубиновую жидкость в бокале из горного хрусталя. – Попробуешь, десмондка?

– Нет, что вы! Десмонды ведь не пьют кровь! – испугалась Лиззи и жалко пробормотала. – Ваше Сиятельство, вы сожгли мое платье и мне теперь не в чем возвращаться в свою комнату...

– А кто сказал, что я разрешил тебе возвращаться? – вскинул на Лиззи голубые глаза князь. – Знаешь, десмонд, после этой полезной, но мерзкой крови у меня разыгрался аппетит. Хочется чего-то по-настоящему вкусного. Изысканного. Деликатесного. Лакомого.

Вампир отставил недопитый бокал с невкусной, но питательной кровью и, гипнотизируя Лиззи, точно удав кролика, велел:

– На колени, десмондка! А теперь ползи!

Глава 1. Если тебя отчислили...

Лиззи дожевывала трюфель – потрясающе вкусную сладкую булочку в форме розы и запивала своим любимым томатным соком, когда в столовую академии ворвался Виктор. Хотя, если честно, столовой это место язык не повернется назвать: настоящий ресторан – комфортные кресла, массивные столы, коричнево-бежевая цветовая гамма и необычные лампы в виде свечей. А уж про изысканную кухню лучше вообще молчать!

– Лиззи! Лиззи! Там результаты экзаменов вывесили! – Виктор буквально выдернул девушку из кресла, и они пулей помчались в главный холл.

Около доски объявлений собралась целая толпа: вампиры, дампирсы и десмонды жаждали узнать свои баллы по итогам первого триместра в Академии вампиров. Лиззи с Виктором было сунулись в кучу малю, но, получив локтями от старшекурсников, благоразумно решили подождать в сторонке, когда толпа схлынет.

– Я так нервничаю! – поделился Виктор, приобнимая Лиззи, будто желал найти в ней успокоение. – По “Вампирам в популярной человеческой культуре” надо было назвать семь человеческих романов про вампиров, а я только пять вспомнил! И в билете по истории истых на второй вопрос не смог

ответить.

– И что там было? – поинтересовалась Лиззи, со всей искренностью соперезживая своему жениху.

– В каком году Дома подписали Хартию о неразглашении! – Виктор запустил растопыренную пятерню в темные густые волосы.

– Ну, ты даёшь! – Лиззи поправила очки. – В 1916 же!

– Да я потом вспомнил, как из аудитории вышел, только поздно было! – убито проговорил Вит.

– Не переживай... – девушка с участием коснулась его руки. – Все будет хорошо. Уверена, ты набрал проходной балл!

За свои результаты Лиззи нисколько не боялась: она основательно подготовилась к сессии. И если не блестяще, то очень хорошо справилась со всеми экзаменами. Вот только на даре показала не самый лучший результат, но не будут же ее выгонять из-за одного предмета? Вон, Гаспар Леоне даже на занятия не ходит, если кого надо и вышвырнуть из Академии, то ректорского сынка! От него стонут не только наставники, но и студюзы!

Правда, несмотря на дурной характер, Гаспар имеет десять сверхспособностей, а это ценится необыкновенно высоко. Самым большим количеством даров среди вампиров обладает сам ректор Академии – Константин Леоне. У великого князя их двадцать, причем все как на подбор и управляет он своими дарами в совершенстве.

Постепенно гурьба разгоряченных студюзов стала расс-

сываться и Лиззи с Виктором наконец пробрались к заветной доске. На угольно-черном дереве, драгоценном гренадиле, они не сразу нашли прикрепленные свитки со своими фамилиями.

– Есть! – Виктор сорвал свой и принялся им размахивать. – Виктор Гвидо – сто восемь! Лиззи, ты слышала? У меня на целых восемь баллов сверх допускового! Ура! Лиззи? Лиз? Что с тобой?

Девушка, бледная, как полотно, крепко сжимала свой свиток, отчаянно надеясь, что у нее что-то со зрением. Она даже очки сняла, трясущимися руками протерла стекла и надела снова, но это не помогло.

– Элизабет Бредфорд – девяносто восемь? – Виктор с недоумением заглянул в ее результат. – О, Лиз! Как же так? Ты недобрала всего два балла...

– Дар, – убито выдавила девушка. – Все испортил проклятый дар! Профессор Сибил поставила мне низший балл!

– Ну, она же в курсе, что твоя способность... Э-э-э... барахлит, – парень замолчал и виновато взглянул на подругу. – И к тому же...

– И к тому же не самого лучшего качества, – тихо закончила за него Лиззи.

Это было правдой. У десмонда редко можно встретить сильную, элитную способность вроде невидимости или воскрешения мертвых. Но способность Лиззи была не просто смехотворной, но и часто ее подводила, что, собственно, слу-

чилось на экзамене.

Но она же ответила на все вопросы по истории вампиров! И по “Вампирам в популярной человеческой культуре” назвала не семь, а десять дурацких романов!

Она вновь и вновь перечитывала результаты, надеясь обнаружить какую-то ошибку. При мысли о том, что ее учеба в Академии вампиров окончена, Лиззи охватывало всепоглощающее отчаянье. Этого просто не может быть!

– Лиз, взгляни... – голос Виктора заставил девушку встрепенуться.

Лиззи посмотрела и схватилась за сердце: на пустом месте доски проступили буквы, точно их старательно выводил красным мелом кто-то невидимый.

Отчислены:

Уодим Эйш

Рэду Опря

Луминитсу Прутяну

Элизабет Бредфорд

Эмилиэн Нану

– Нет! – воскликнула Лиззи, принявшись пальцами стирать свою фамилию из этого позорного списка. – Нет-нет-нет! Этого просто не может быть!

Но ее имя проступало вновь и вновь. Лиззи остервенело терла ладонью, рукавом, однако все было напрасно. Элизабет

Бредфорд – на отчисление!

Элизабет Бредфорд – на отчисление...

Только не это!

– Лиззи, Лиз... – Виктор обнял ее и увлек в один из укромных уголков, почти насильно усадив на бархатную софу. – Не надо отчаиваться раньше времени, любимая моя! Может быть, не все ещё потеряно...

Парень ласково погладил Лиззи по голове, привлёк к себе, и расстроенная девушка ощутила на губах его поцелуй. Она закрыла глаза, смущенно отдаваясь этим ощущениям, чувствуя нежность и огорчение.

Робко целуя Лиз, Виктор осторожно положил руку на ее колено, поглаживая, точно желая подбодрить. Но в тот момент, когда его язык мягко прошелся по ее зубам, стремясь осторожно раздвинуть их и проникнуть в ее рот, а пальцы сдвинулись на пару сантиметров по бедру вверх, Лиззи отстранилась.

Они оба были десмондами, учились в одной группе, встречались уже почти год и даже были помолвлены, но еще ни разу не переступили ту черту, за которой остались бы объятия и невинные поцелуи и началась настоящая страсть.

Часто размышляя над этим, Лиззи приходила к мысли, что еще не готова. Ей казалось, она с ума сойдет от смущения, если Виктор увидит ее обнаженной. Или когда она увидит без одежды его. Виктор был тактичным, чтобы нахально попытаться залезть к ней под юбку и уважал желание де-

вушки, но иногда все-таки мягко пытался зайти чуть дальше. Однако Лиззи всегда останавливала своего жениха.

– Не все еще потеряно? – с иронией воскликнула она и сунула ему под нос пергамент со своим результатом. Она нервничала и не хотела это скрывать. – У меня девяносто восемь баллов, а к следующему триместру допускаются студиясы, получившие сто! Я отчислена, Виктор! Мне прямо сейчас прикажут собирать вещи! Святые угодники, я не могу вернуться обратно в Кергилен... Ты же знаешь, что не могу!

Нежно обняв свою подругу, Виктор принялся мягко утешать ее:

– Ну, любимая моя, драгоценная, хорошая девочка, солнышко, голубка моя! Мы не расстанемся, мы обязательно что-нибудь придумаем! Ты могла бы подать документы в Колледж бытовой магии...

Но от этих неловких утешений Лиззи становилось еще хуже. Поступить в Академию вампиров – элитное высшее заведение их княжества, чтобы через три месяца быть из него вышвырнутой, недобрав всего два балла до проходного?!

– А знаешь, я попробую поговорить с Его Сиятельством, – вдруг с мрачной решимостью сказала Лиззи. – Попрошу Константина Леоне о передаче по дару. Вдруг даст мне второй шанс?

– С ума сошла! – испугался Виктор. – К самому ректору пойдешь? Подумай головой, великий князь темных такой высокомерный. Его бесполезно просить! Ребята со второго

курса болтали: Леоне не любит десмондов... Не надо, Лиззи, пожалуйста, не ходи... Тебе необязательно возвращаться домой, ведь Колледж бытовой магии...

– КБМ с этого года не принимает десмондов. На всякий случай я узнала, когда мы сюда ехали, – сказала Лиззи негромко и решительно поднялась. – Нет, Виктор, не пытайся меня отговаривать. Если есть малейший шанс остаться здесь, я им воспользуюсь!

– Хорошо, любимая, если ты считаешь, что это может помочь... – парень кивнул и коснулся губ Лиззи трепетным поцелуем. – Удачи, моя девочка!

Лиззи шла по коридорам и переходам шикарного помещения, в котором располагалась Академия Вампиров, с видом человека, которому нечего терять. В глубине души она понимала, что просить безупречного ректора (ему этот богатый особняк, кстати, и принадлежал) о чем-либо просто глупо – великий князь темных не ведает жалости, но какая-то непонятная решимость гнала ее вперед.

Перед массивной дубовой дверью, обитой аспидно-черной кожей, Лиззи на мгновение замерла. Непреодолимое чувство бежать отсюда со всех ног охватило девушку, но, собрав остатки смелости, Лиз постучала и вошла.

В этом роскошном интерьере она сразу почувствовала себя лишней. Эбонит, серебро и мрамор: тёмные стены, белый камин, серо-серебристые занавески и пушистый ковер на полу, черный, будто зияющая пропасть.

– Ваше Сиятельство, – Лиззи сделала маленький шагок вперед. – Элизабет Бредфорд, первый курс, группа Д, де-смонд. Я по поводу экзамена и... и своего отчисления.

Константин Леоне даже не взглянул на нее. Лиз глупо замолчала, думая только об одном – насколько великий князь хорош!

Лет сорока на вид, высокая ладная фигура с широкими плечами и узкими бёдрами, породистое лицо с чуть тяжелой челюстью, чувственными губами, носом с небольшой горбинкой и ярко-голубыми глазами... Темные густые волосы ректора с легкой проседью, точно припорошенные инеем, были уложены так, словно он только что вышел из лучшего салона, а угольно-серый костюм пошит у лучшего портного.

Взгляд девушки невольно приковала знаменитая нагайка великого князя, которая лежала перед ним на столе, похожая на спящее, но очень опасное существо. Если и имелась у безупречного Константина Леоне слабость, то это были лошади. Рядом с поместьем располагалась его личная конюшня, а в обязательную программу академии со второго курса входила верховая езда.

– Ваше Сиятельство! – повторила Лиззи, дивясь своей настойчивости.

Видимо, только благодаря этому Леоне соизволил поднять голову и посмотреть на посетительницу. Ох, лучше бы он этого не делал – во взгляде ректора было лишь бесконечное безразличие с едва ощутимой ноткой презрения.

– Что вы от меня хотели, Элизабет... Бредфорд? – спросил ректор, сцепив безупречно вылепленные пальцы замком.

Спросил так равнодушно, словно она была заговорившей с ним мелкой мошкой, ковриком на полу, былинкой под его ногами, ничтожной мелочью, отнимающей его драгоценное время. Лиззи поправила очки, мысленно призывая себя обратиться с духом, и робко положила на стол ректора свиток со своим результатом. Константин Леоне небрежно взял его в руки, но, едва взглянув, тут же безразлично отбросил.

– Ваше Сиятельство, я недобрала два балла до пропускного в следующий триместр, но хотела попросить вас не отчислять меня! – выпалила Лиззи, внутри которой все звенело, как струна, от напряжения. – Вы же видите – у меня высшие результаты по всем экзаменам, кроме дара. Профессор Сибил поставила мне единицу, конечно же, это ее решение. Но я считаю его несправедливым! Понимаете, мой дар, он... Я не всегда могу им управлять им, и... Может, профессор была и права, но... я прошу, не отчисляйте меня из академии!

Лиззи не ожидала, насколько будет противно просить у этого холёного аристократа, который, не напрягаясь, мог скушать Лиззин родной городок на корню. Великий князь, глава влиятельнейшего вампирского дома, он сидел сейчас напротив Лиз, но на самом деле был от нее дальше, чем если находился на другом краю вселенной. Унизительность ее положения тугим комочком залегла в животе, опускаясь к самому его низу.

Константин Леоне откинулся в кресле, разглядывая Лиззи с головы до пят. Под этим пристальным взглядом девушка почувствовала себя совсем неудобно – зачем-то принялась отряхивать испачканный мелом рукав клетчатого платья, чуть не уронила очки...

Ректор был мечтой абсолютно всех студияшек в академии, например, соседка Лиззи по этажу частенько принималась делиться вслух желаниями, в которых Леоне делал с ней такие вещи, что Лиз затыкала уши, отчаянно краснея.

Рой пошлых картинок совершенно не к месту ворвался в голову, соски под платьем вдруг заныли. Святые угодники, к чему это?

У ректора шикарные любовницы, чистокровные вампириши вроде ее соседки, а ей, нелепому очкарику-десмонду в мешковатом клетчатом платье с пушистыми волосами, стянутыми на затылке в узелок, не стоит и думать о том, с кем спит Константин Леоне.

Она и не думала... до тех пор, пока не оказалась с ним один на один и... не ощутила себя такой униженной.

– Какова ваша сверхспособность?

Девушка закусил губу. Угодники, она всегда так стеснялась отвечать на этот вопрос!

– Я... я могу превращать воду в чай, – до корней волос заливаясь краской, пробормотала Лиззи.

На породистом лице Константина Леоне промелькнуло насмешливое выражение, или ей показалось? У десмондов,

в отличие от истых вампиров, всегда способности слабее, но Лиззин дар был просто смехотворен.

– И на переходном испытании вы не раскрыли ваш дар? – Леоне поднял бровь.

– Я смогла только сделать воду немного теплее, но чай приготовить не получилось... – прошептала Лиз, избегая смотреть в высокомерное лицо великого князя. – Ваше Сиятельство, умоляю, оставьте!

– С такой слабой способностью, мисс Бредфорд, вам больше подходит Колледж бытовой магии, – холодно ответил Леоне. – Возможно, через несколько лет они снова откроют свои двери для десмондов.

– Пожалуйста... – мутная солёная пелена застилала глаза. – Я научусь управлять своей способностью! Не выгоняйте, Ваше Сиятельство... Мне нельзя домой!

Но легче было разжалобить стенку, нежели того, кто находился в кресле напротив нее.

– Если у вас ко мне всё, то боле не задерживаю, – сухо проговорил князь и опустил взгляд на бумаги, лежавшие на его столе, ясно давая понять, что разговор окончен.

Лиззи, глотая слёзы, выбежала прочь.

Глава 2. Фея-крестная с клыками

Лиззи, подтянув колени к груди, лежала на кровати, через прозрачный балдахин разглядывая комнату. За три месяца она успела привыкнуть к роскоши своей спальни, к мрачной одухотворенности и странному уюту готического интерьера, к массивным зеркалам и вычурным предметам, окружающим ее.

Все стало таким родным, и девушке была непереносима мысль о том, что придется это покинуть. Что придется оставить свою мечту в стенах Академии и вернуться в серый унылый Кергилен. Вернуться ни с чем.

Планшет, лежащий на шоколадном ворсе покрывала, мягко завибрировал. Едва взглянув на экран, Лиззи закрыла лицо руками, не зная, что делать. Нельзя игнорировать этот звонок по видеосвязи, но у нее просто нет сил, чтобы сейчас разговаривать. Впрочем, девушка знала, что он будет звонить и звонить, пока она не ответит.

Наскоро протерев кулаками мокрые глаза, Лиз стукнула пальчиком по зелёной кнопке приема вызова, и на экране появилось лицо ее отца.

– Привет, солнышко! Почему так долго не берёшь?

– Привет, папуля! – Лиззи натянуто улыбнулась. – Просто я только зашла в комнату.

– А я уж было подумал, что что-то случилось, – взгляд отца на экране стал испытующим. – У тебя глаза красные или мне кажется? Ты что, плакала?

– Нет, конечно!

– А почему не рассказываешь о результатах переходных экзаменов? – прищурился отец. – Вам же сегодня должны были их объявить? Ты провалилась, ведь так? Выгнали? Бедная Лиз, я предупреждал – твоя способность слишком слаба, чтобы соваться в самую элитную академию княжества! Десмонды – низшая ступень вампирского сообщества, вампиры их принимают в академию только, чтобы кормиться!

Он бесконечно ее любил, но никогда в нее не верил. Не верил, что Лиззи поступит, что сможет учиться... Отец сам был десмондом с весьма посредственной способностью и примаром Кергилена и хотел, чтобы она пошла по его стопам. Со страшными скандалами Лиззи удалось отстоять свое решение учиться, но скептицизма Роэля Бредфорда лишь прибавилось.

Лиззи проглотила какой-то вязкий, тягучий комок, застрявший в горле, и твёрдо сказала:

– Ошибаешься, папа! У меня высшие баллы по всем предметам. Я прошла в следующий триместр!

– Да? – с сомнением переспросил отец, вглядываясь в нее с экрана планшета, но, видимо, каким-то чудом ей все-таки удалось его убедить. – Что ж, молодец, дочурка! Не ожидал!

Не успела Лиз договорить с отцом и отключиться, как в

ее комнату ворвался Виктор. Крепко обняв девушку, он закружился вместе с ней, осыпая ее щёки и губы легкими поцелуями.

– Ура, Лиззи, любимая! Ты остаёшься! И как тебе удалось убедить этого напыщенного Леоне? Моя любимая – умница!

– Ты что, подслушивал под дверь? – нахмурилась девушка.

– Я услышал случайно, – пропел парень, поцеловав Лиззи в шейку, и от прикосновения его немного влажных губ она вздрогнула. – Мы снова вместе, хорошая моя, и теперь нас ничто не разлучит! Нам нужно это отметить!

А потом произошло совсем странное: в бесконечно любящих глазах Виктора что-то мелькнуло, он вдруг положил ей руки на бёдра, чего раньше никогда не делал, и прижал к своим бёдрам. Он был высоким, очень худым, и животом, упершимся в его ширинку, Лиз ощутила что-то выпуклое и твёрдое.

Виктор смотрел на нее, как ни в чем не бывало, и нежно улыбался, давая ей понять свое желание. Лиззи ощутила неудобство, а потом почему-то отторжение. Ей не хотелось, чтоб он ее касался, и особенно – своим напрягшимся членом, даже сквозь одежду.

Она так хотела рассказать ему о том, как унизил ее Константин Леоне, поделиться переживаниями, но подходящий для этого момент ушел. Виктор думал сейчас совершенно о другом.

Каким-то чудом ей удалось выкрутиться из неловкой ситуации, сославшись на то, что устала и очень хочет спать, и спровадить парня, чтобы в слезах броситься на свою постель, едва он вышел.

Святые угодники, как можно было ухудшить ее и без того бедственное положение? Только солгав отцу и парню, зная, что эта глупая ложь выяснится на следующий же день! И если Виктор поймет ее и поддержит, то отец...

Ох, отец! С каким видом она вернётся в Кергилен? С видом побитой дворняжки, конечно! А он, он торжествующе скажет: «Вот видишь, Лиз, тебе надо было меня слушать, ведь я был прав!». И все жители их маленького городка, обожающие свежие сплетни, будут втайне потешаться над ней: глупышка надеялась, что сможет учиться в самой столице, в Академии вампиров! Нет, в лицо они, конечно, станут сочувствовать, и это, пожалуй, ещё хуже!

Глухо простонав, Лиззи, всхлипнула и уткнулась в пушистую подушку, которая очень скоро стала мокрой от слез. Лишь отчаянье, больше ничего...

В этот момент дверь снова распахнулась и в комнату, словно на подиум какого-то модного показа, ступила ее соседка по этажу, Джина – чистокровная вампириша из высокородного дома вампиров фамилии Моранте.

Как всегда, Джина Моранте выглядела просто восхитительно. Жгучая брюнетка с радикальным каре, с идеальной фарфоровой кожей и чарующими миндалевидными глазами,

она была одета в алое платье из переливающегося атласа, а высота каблучиц кроваво-красных туфель по-настоящему устрашала.

– Быстро твой десмонд от тебя утек, Бет, – бесцеремонно развалившись в кресле, заявила вампирша. – Я-то думала, у вас будет ночь любви!

Из всех знакомых Лиззи только Джина почему-то упорно называла ее «Бет».

– Какая ночь любви? – испугалась Лиз. – Виктор вообще об этом не думает!

– Бедная наивная Бет, думает и еще как, уж поверь моим скромным познаниям в этой области! – засмеялась Джина и округлила глаза. – Постой, то есть, вы встречаетесь уже сколько-то там месяцев и ни разу не?

– Нет! – буркнула Лиззи смущенно – обманывать Джину Моранте было бесполезно.

– Бедный паренёк! – развеселилась вампирша. – Даже представить себе не может, что секс с нашей зубрилкой ему не обломится!

– Почему бедный? – возмутилась Лиззи. – И вообще... ты так об этом говоришь! Для меня это серьёзный шаг, я не могу, чтобы оно просто так произошло, нужно подготовиться морально...

Джина слушала, понимающе кивая, и вдруг резко перебила:

– Запомни, Бет, если женщина хочет отдаться мужчине,

она ему отдается. И если ты не сделала этого до сих пор, значит, твой десмонд просто тебя не заводит.

Лиззи хотела было возразить, но задумалась. А, может, вампирша права? Почему Лиз пресекает все попытки Виктора зайти дальше поцелуев и объятий? Ведь он такой нежный, такой чуткий и заботливый, так сильно ее любит! И она его любит, такого замечательного парня нельзя не любить! Его прикосновения вроде бы приятны, но... но она не хочет, чтобы он продолжал.

– Не грусти, Бет! – жизнерадостно проговорила Джина. – Еще встретишь нормального мужика, который отдерёт тебя, как сучку!

Лиз никак не могла привыкнуть к ее бесцеремонности, граничащей с грубостью.

– Меня отчислили, – вдруг сказала она, предательски всхлипнув. – Два балла недобрала!

Джина Моранте – не лучшая утешительница, но Лиззи больше просто не могла держать свою боль внутри.

– Серьёзно? Ах, ну да, сегодня же должны были вывесить результаты экзамена! Совсем забыла... – поморщилась вампирша.

– То есть ты даже не видела свой результат? – поразились Лиззи. – Да как так вообще можно?

– Леоне не стал меня выгонять, даже если б я набрала ноль целых одну десятую балла, – усмехнулась Джина. – Во-первых, он не дурак, чтобы связываться с домом Моранте, а во-

вторых, моя сверхспособность... Дар решает все!

После этих слов Лиз почувствовала себя окончательно втопанной в грязь. Она в мире вампиров никто, и было наивно с ее стороны полагать, что будет по-другому. Она не из влиятельной семьи, а ее дар для истых просто смехотворен.

– Попробуй лично поговорить с великим князем, возможно, он сменит гнев на милость, – посоветовала между тем Джина.

Лиззи с горечью покачала головой и поведала, как сильно унизил ее Константин Леоне.

– Ты просто дура, Бет! – резюмировала вампирша, выслушав ее рассказ. – С такими мужчинами нужно разговаривать по-другому!

– Как по-другому? – страшно удивилась Лиз. – Письменный запрос отправить, что ли?

– Вот что, крошка Бетти, сейчас я иду на суаре, и Леоне там ожидается. Ему нравится держать руку на пульсе. Так уж и быть, возьму тебя с собой, там и подкатишь к великому князю! – безапелляционно сказала вампирша. – Может, в более неформальной обстановке, когда он будет сытый и довольный, ректор удовлетворит твою просьбу.

– На суаре? – страшно испугалась Лиззи. – Но вампиры же там... вы же там... там кормитесь.

– Это и хорошо, глупыш! – снисходительно улыбнулась Джина, сверкнув острыми жемчужными клыками. – Все сосуды будут в масках, а, значит, и ты сможешь надеть маску,

следовательно, получишь шанс, что ректор хотя бы заговорит с тобой. Все равно тебе терять уже нечего! Может, удастся его упросить?

Лиззи хотела замотать головой, наотрез отказываясь, но потом вдруг подумала: Джина права. Действительно, что ее останавливает? А то, что предлагает вампирша, хоть и крошечная, но возможность все изменить! И никому, и даже самой себе Лиз не призналась бы в том, что мысль увидеть Константина Леоне еще раз вызывает в ней смутное волнение и... желание.

– А ну снимай свое клетчатое убожество, крошка Бетти! – скомандовала меж тем Джина. – Раздевайся догола и вставай прямо, не горбись. Святые угодники, эта глупышка еще и стесняется!

Зажмурившись от смущения, Лиззи предстала перед Джиной в чём мать родила. Ох, зачем она в это ввязывается?

– Ну кто бы мог подумать? – присвистнула вампирша. – А ты знаешь, Бет, фигурка-то у тебя очень даже ничего! Сиськи, попа – высший сорт! Теперь понятно, почему этот дурачок-десмонд вокруг тебя увивается! Одно удовольствие с таким материалом работать!

– Ты что... хочешь применить ко мне свой дар? – с недоверием спросила Лиззи.

Джина раздраженно велела ей заткнуться, и принялась задумчиво бормотать: «Так-так-так... зелёный, что ли? Нет! Черный! Красный, думаю, подойдет». Удивительный дар

Джины Моранте – сверхспособность украшать что бы то ни было – будь то человек, животное, интерьер, или даже еда.

Раз! Вампирша небрежно взмахнула рукой с тщательно наманикюренными коготками, и Лиз охнула. Материализовавшееся прямо на ней нижнее белье приятно охладило кожу. Лиззи в жизни бы не надела такой фривольный комплект: тончайшее пламенеющее красное кружево, которое не скрывало абсолютно ничего, а к нему еще пояс и чулки! Джина удовлетворенно хмыкнула и эффектно щёлкнула пальцами. Два!

Пошатываясь, Лиззи подошла к зеркалу и схватилась за голову, не зная, что сказать. Из глади на неё смотрела девушка в обтягивающем черном бархатном платье с почти полностью открытой грудью. Тонкую шею увивали в два ряда бусы из черного жемчуга.

Кстати, очков не было, но видела она при этом превосходно!

Пушистые волосы Лиз выпрямились, крупными блестящими локонами струясь по спине, около щёк покачивались жемчужины, а черные лакированные туфли с красными подошвами на огромных каблуках довершали этот ансамбль.

Но главное – половину лица Лиззи скрывала черная кружевная маска, и хотя, по сути, полупрозрачная, но она полностью меняла лицо. Лиззи сложно было поверить, что таинственная сексуальная красотка в зеркале – это она.

– Это... довольно необычно, – заикаясь, выдавила Лиззи.

– Необычно? – захохотала Джина. – Детка, да ты просто огонь!

На входе в охотничий дом девушек остановил дюжий трехкурсник-дампир, который, похоже, хорошо знал Джину. Принявшись заигрывать с ней, он, оттянув лямку ее алого платья и почти полностью обнажив грудь Джины, шлёпнул штампик чуть ли не на розовато-коричневую ареолу соска.

Лиззи это шокировало, и она с трудом удержалась от того, чтоб вытаращить глаза.

– А твоя подружка, Джин? – облизнувшись на вампиршу, поинтересовался дампир. – Все сосуды обязаны предъявлять заверенное ректором Разрешение на испытые!

– Ну, Игнат, ну, сладкий! – Джина прижалась к дампиру, дразняще проведя острым язычком по алым губам. – Девчонка просто хочет попробовать что-нибудь новенькое...

– Без Разрешения не пущу, лапуля, – осклабился Игнат. – С Леоне шутки плохи!

– Да есть у нее Разрешение, есть! Пойдем, покажу! – усмехнулась вампирша и зачем-то увлекла дампира за угол.

Ночь выдалась прохладной и Лиззи сжала голые плечи руками, тоскливо размышляя о том, что она напрасно пришла сюда, пытаясь выдать себя за ту, кем не является. Но минут через десять Игнат и Джина вернулись, и довольный дампир, поставив штамп на кисти Лиззи, пропустил обеих девушек внутрь. Даже поклонился.

– Ну, ты даешь! – поражено прошептала Лиз на ухо Жи-

не, разглядывая богато обставленную залу, в которой они оказались. – Как тебе удалось подделать разрешение?

– Я вот иногда думаю, ты правда такая, пыльным мешком по башке шарахнутая, Бет, или только прикидываешься? – озадачилась вампирша. – Я ему отсосала, Бетти, чтоб он пропустил тебя!

– Что? – испугалась Лиззи. – О, Джина, зачем ты пошла ради меня на такую жертву?

– Дуреха! – покачала головой Моранте, мечтательно улыбувшись. – Да я сама чуть не кончила – у него такой толстый, мощный член, весь в венах, прямо как я люблю. И меня необыкновенно завело, что я сделала ему это не просто так!

– Святые угодники! – прошептала Лиззи, краснея, как помидор.

– Я сделала это, чтобы ты, крошка Бет, попросила Леоне нормально, – добавила Джина, не глядя на Лиз. – Так иди и сделай это!

– Нормально – это как?

– Не как очкастая зануда ректора, а как женщина мужчину. Я голодная – не могу... О, какой чудесный сладкий сосудик! – и вампирша устремилась к парню в костюме и маске, оставив Лиззи совершенно одну.

Глава 3. Шелка и маски

В поисках ректора Лиззи поднялась на второй этаж, но Леоне нигде не было. Она и сама не знала, хочет ли по-настоящему его найти. Что будет говорить? Снова просить, унижаться...

Параллельно с поисками приходилось отбиваться от назойливых приставаний вампиров-старшекурсников и даже вампирш, которые хотели использовать ее в качестве сосуда и испить ее крови.

На вампирском суаре девушка чувствовала себя крайне неудобно, но мысль о том, что она должна не упустить последнюю возможность поговорить с Леоне, придавала ей решимости.

Из общей атмосферы шикарной вечеринки выбивалось одно: тут и там истинные вампиры пили кровь дампиров и десмондов, лица последних были скрыты масками. Зрелище было отталкивающим и притягательным одновременно.

При поступлении в академию ей тоже предложили подписать Разрешение на испытание, то есть стать сосудом для истых вампиров. Сосуду гарантировалась полная тайна, то есть неразглашение его личности, так же его услуги высоко оплачивались академией, но Лиззи наотрез отказалась.

Мысль о том, что кто-то будет пить ее кровь, вызывала

отвращение и ужас.

Стараясь держаться поближе к стенке и привлекать к себе минимум внимания, Лиззи высматривала среди присутствующих Константина Леоне. Такого мужчину проглядеть сложно – значит, на суаре он попросту не явился. Очертания предметов, мебели и людей теряли резкость – магия Джины Моранте все-таки не могла вернуть Лиззи зрение и эффект ее действия стал потихоньку улечиваться.

Хорошо, хоть облик Лиззи не претерпевал никаких изменений.

Пока.

Да еще эти туфли, которые, как колодки, сдавили ее несчастные ступни! Как Джина может ходить в таких круглосуточно?

Лиз запнулась каблуком о край ковра и, сделав, как пьяная, несколько неверных шагов, плюхнулась назад. Слава святым, там стояло кресло... в котором кто-то был. Слабо охнув, девушка оказалась сидящей на чьих-то мужских коленях.

Ни жива ни мертва от страха, Лиззи обернулась, каким-то десятым фантастическим чувством догадываясь, на кого уселась.

Ну, по крайней мере, плюс в том, что она хотя бы нашла ректора.

Сердце Лиззи замерло и подскочило к горлу.

– Заманчивое предложение, но я не голоден, – проговорил

Леоне, обдавая ее изогнутую голую шею тёплым дыханием.

От голоса ректора у Лиззи мурашки побежали по коже, а внизу живота словно что-то разорвалось.

Мерзкий, напыщенный, высокомерный... великолепный, твёрдый, одуряющее пахнувший дорогущим мужским парфюмом... От него пахло сосной, белым кедром и грейпфрутом и у Лиз голова пошла кругом, но грубые слова Константина подействовали, как холодный душ.

– Я не собиралась давать вам пить свою кровь! – возмутилась девушка.

– Неужели? – с едва различимой издевкой поинтересовался Леоне. – Судя по маске на лице, именно за этим ты сюда и пришла.

Святые угодники, с ним невозможно разговаривать! Лиз чувствовала, что должна сию минуту, незамедлительно встать и извиниться, это будет прилично и правильно, но странная нега охватила тело, превращая его в безвольное желе.

Ей хотелось ощущать его.

– Я не сосуд, – глупо пролепетала Лиззи, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

И слезть, наконец, с великого князя тёмных, черт его дери!

– Стать сосудом не так унижительно, как, например, подставкой для олд-фешна, – проговорил Леоне хрипло, а затем вдруг, поставив на ее бедра стакан с толстым дном, в

котором плескалась янтарная жидкость, крепко сжал тонкие запястья Лиззи, не давая ей убрать стакан.

Она затаила дыхание – малейшее движение, и он опрокинется прямо на ее колени, залив все платье виски. Холодная жидкость просочится сквозь черный бархат, потечёт по внутренней стороне бёдер, добравшись до трусиков, в которых от этой мысли почему-то стало горячо и влажно. И чем сильнее, больнее вдавливал в кожу Лиззи пальцы Константин, тем горячее и влажнее становилось.

– Я не за тем сюда пришла, – чуть не всхлипнув от нахлынувшего стыда, мешающегося с возбуждением, проговорила Лиззи, задыхаясь, но каким-то чудом удерживая равновесие олд-фешна.

– Подставка из тебя неплохая, – задумчиво сказал ректор, разводя ее послушные руки в разные стороны, как будто играя с куклой. – Но им слова обычно не дают.

– Я подруга Элизабет Бредфорд! – выдохнула Лиз, пугаясь собственной смелости.

– Элизабет Бредфорд? – переспросил Константин без интереса. – Это еще кто?

Он не прикидывался. Он действительно ее не помнил, ведь Лиззи была для него никем – жалкая, не заслуживающая внимания десмондка с глупым даром.

Почему Константин Леоне вправе считать себя выше других? Почему унижает тех, кто намного слабее его? Почему его ужасное обращение... так возбуждает ее?

– Это студия, которую вы сегодня утром исключили! – внутри Лиззи вскипела вызванная отчаяньем злость. – Конечно же, ведь вы великий князь темных, у вас двадцать суперспособностей и полно денег, а такие, как она, для вас всего лишь мелочевка, пыль под ногами! Вам наплевать на чувства десмонда, ведь вы считаете их никем, ублюдками, недостойными вас, истых! А в свою академию принимаете, только, чтобы получить их кровь и насмеяться над ничтожностью их сверхспособностей! Я презираю вас за то, что вам ничего не стоит растоптать чужую мечту!

На последнем предложении Лиз столкнула с коленей стакан виски таким образом, что, не облив ее, он грохнулся на пол, расколовшись вдребезги, и попыталась вскочить. Но не тут-то было – Константин Леоне выкрутил ее руки за спиной, только усиливая захват.

Пока она, задыхаясь, говорила, уже чувствуя медленно пробирающую до кончиков ногтей волну ужаса от того, кому и что сейчас высказывает, князь, отведя ее волосы вбок, склонился к шее, и Лиз чувствовала его опаляющее дыхание каждой порой кожи.

– Она течёт по твоим венам, и я вижу ее путь, – негромко проговорил Константин Леоне, касаясь твердыми тёплыми губами ее сонной артерии. – запах сладкий, слишком сладкий, даже для группы фита или дигамма... Интересная ты девочка, подруга Элизабет Бредфорд, знаешь об этом?

Лиззи откинула голову назад, изнемогая от прикоснове-

ния его губ, отдаленно понимая, что сейчас совершает, быть может, самую большую ошибку в своей жизни. Девушка слабо дернулась, но вырваться из захвата Константина Леоне было просто невозможно.

Положив руку ей на затылок, он неестественно вывернул ее голову, чуть не сломав девушке при этом шею, и впился плавающим губы поцелуем. Внутри все вскипело, и отстраниться Лиз уже не смогла: смущение от того, что ректор целует ее на глазах половины академии, смешалось с наслаждением, пробирающим изнутри, и концентрирующимся внизу живота, там, где пульсировало, наливаясь диким желанием ее лоно.

Сгорая от стыда, Лиз чувствовала, что она влажная, возмутительно, позорно влажная, и ее трусики промокли насквозь, да так, что влага просочилась до бархата платья и Константин наверняка ощущает это.

Его язык прошелся по ее губам, насильно протолкнулся в ее рот, и Лиз ощутила его выступающие клыки. Константин Леоне прикусил ее язык, и девушка, почувствовав солоноватый привкус своей крови, застонала от острой боли, к которой присоединилось жуткое наслаждение, когда он принялся сосать ее окровавленный язык.

Все сильнее и сильнее, в каком-то странном ритме, каждое движение в котором отзывалось внутри яркими вспышками. Девушка попыталась отстраниться, но князь прижал ее губы к своим с такой силой, что еще чуть-чуть и ее шей-

ные позвонки готовы были хрустнуть.

Лиззи испугалась, что в следующую секунду он откусит ее язык и проглотит... Но отстраниться можно было от Виктора Гвидо, с великим князем Константином Леоне этот номер был бесполезен... Он отпустил ее лишь тогда, когда сам этого захотел.

До глубины души шокированная девушка попыталась отдышаться, не понимая, что вообще с ней происходит. Ощущение того, что она своему телу не хозяйка было противным, но в то же время сладостным.

Она хотела подняться и уйти прочь, но не могла даже пошевелиться.

– Думаю, нам с тобой, подруга Элизабет Бредфорд, нужно кое о чем серьёзно поговорить, – прозвучал в самом ухе вкрадчивый баритон Леоне. – Наедине.

Встрепенувшись, как испуганная птаха, Лиз только сейчас обратила внимание, что на них с интересом поглядывают присутствующие в зале. Святые угодники, ведь всё на глазах, на чужих глазах!

Как она могла полностью отдаться своим сумасшедшим ощущениям и позабыть о том, что на них смотрят? Наверное, сейчас все гадают, кто она... А может, узнали? Впрочем, нет, это исключено – узнать в сексапильной, млеющей на коленях ректора красотке скромного десмонда Элизабет Бредфорд с первого курса совершенно нереально.

На ватных ногах Лиззи пошла за ним.

На часах полвторого ночи, а она в кабинете ректора Академии вампиров, и почему-то именно из-за этого происходящее кажется нереальным, похожим на фантастический сон. Никакого намека на учебный процесс – он зажигает свечи, ведь огонь тоже ему подвластен, одна их сверхспособностей всесильного ректора.

Чувство дежа-вю накрывает с головой. Те же действующие лица, то же место, акт второй.

Акт? Почему ей на ум пришло именно это слово?

Такие непристойные ассоциации... Лиззи, Лиз, что с тобой? Ты ли это вообще?

Леоне опускается в свое дорогушее кожаное кресло, пристально разглядывая замершую у дверей девушку стальными голубыми глазами.

– Маска! – велит он.

Хочет, чтобы она сняла маску? О нет, только не это! После всего, что наговорила ему? После этого кровавого поцелуя?

– Я сказал, сними маску, Элизабет! – Леоне повторяет чуть громче, и его ладонь касается хвата нагайки.

Святые угодники, он знает! Он знает, кто она такая! Быть может, с самого начала знал! Как же ей страшно, уж лучше бы паковала чемоданы и завтра уехала с первой лошадью, только не иметь с ним дела! Слишком жуткий сейчас. Что сделает с ней?

Дрожащими пальцами Лиззи берется за кружево на своем лице и отводит маску в сторону. Ей хочется бежать, бе-

жать отсюда, куда глаза глядят... Но как потом она сможет потушить пожар, разгоревшийся в самом ее естестве, там, где полыхает необузданным желанием утонувший во влаге бугорок?

Увидев ее лицо, Константин расслабленно откидывается в кресле, разглядывая ее с головы до пят, и под этим наглым взглядом Лиз ощущает себя абсолютно голой.

– Что ж, мисс Бредфорд, вы меня удивили, чего, честно признаюсь, давно никому не удавалось, – протянул Леоне задумчиво. – Я готов оставить вас в стенах своей академии и не давать вашему отчислению ход при условии, что вы подпишете Разрешение на испытание вашей крови.

Что ж, это не так уж и страшно! Страшно, конечно, но по сравнению с тем, что ее ждет... Кергилен... Слухи, пересуды... Я был прав, а ты не послушала, скажет отец... Цена высока, но, в конце концов, не она первая, не она последняя. Пусть вампиры пьют ее кровь, зато она останется....

– Разрешение на испытание своей крови только мной, а так же на возможность трахать вас, Элизабет Бредфорд, в любое время дня и ночи, в любых позах, которые только придут мне на ум, в том числе и во время испытания, – хладнокровно закончил Константин Леоне, сцепив пальцы холеных рук.

Лиззи в ужасе зажала рот рукой, чтобы не закричать.

– Но вы... – еле вымолвила она, заикаясь. – Но вы... Но вы же предлагаете мне стать вашей кровавой шлюхой! Но это же... Это же клеймо на всю жизнь!

– Именно, – спокойно кивнул ректор. – Такова моя цена вашего пребывания в моей академии, мисс Бредфорд, и, думаю, не стоит даже упоминать, что соблюдение тайны я вам гарантирую.

Кровавая шлюха... Непристойным считалось даже упоминать это словосочетание. Десмонд или дампир, который дает истому вампиру пить свою кровь непосредственно во время секса, в их мире пария, для которого закрыты все двери.

– Впрочем, если для вас мое условие неприемлемо и до глубины души вас шокирует, то славный Кергилен ждет, мисс Бредфорд, – добавил Константин с холодной вежливостью. – Времени на раздумье у вас нет.

Лиззи до боли закусила губу, вперившись взглядом в пол. Ее колотила крупная дрожь. То, что он предлагает, – немыслимо! Кровавая шлюха – позор на всю оставшуюся жизнь! Но, быть может, никто не узнает... Его слово крепко и если он это обещает... Трахать вас в любое время дня и ночи...

Угодники, как же влажно в ее трусиках...

– Согласна, – пролепетали непослушные губы, будто принадлежащие не ей.

Лиз подняла взгляд на Леоне и тут же опустила ресницы, испугавшись.

Страшно. Она зашла слишком далеко. Но назад пути нет.

Я, нижеподписавшаяся, Элизабет Бердфорд, даю право

Константину Леоне на испитие моей крови и предоставлю свое тело в полное и безраздельное его пользование до окончания срока моего обучения в Академии вампиров.

Как во сне Лиззи поставила свою подпись на пугающем свитке, который тут же исчез в личном сейфе ректора.

Что она натворила? Святые угодники, что?

– Черное или красное? – разглядывая Лиз, как кобылу на продажу, задумчиво поинтересовался Леоне. Поинтересовался не у нее, у самого себя. – Снимай платье, десмондка, мне не терпится увидеть твоё белье... Черт бы меня побрал! Все-таки красное, ну кто бы мог подумать?

Лиззи ощущала его голодный взгляд каждой клеточкой тела. Прозрачное алеющее кружево не скрывало ни набухших призывно торчащих сосков, ни тонкой, аккуратно выбритой полосочки карамельного цвета волос на лобке.

По его приказанию Лиз легла прямо на письменный стол, своими неловкими движениями сметя стопки идеально сложенных документов и важных бумаг. Она ощущала себя едой, изысканным блюдом, и внутри у девушки все вибрировало от униженности своего положения, мешающейся с бешеным возбуждением.

Леоне прошелся ладонью по ее шее ниже, оттянув кружево бюстгальтера. Ее полная грудь легла в его руку и от легчайшего прикосновения прохладных пальцев к алому соску Лиззи выгнулась и застонала, истекая липкой горячей вла-

гой.

– Я хочу, чтобы ты показала, как ласкаешь себя, десмондка, – проговорил великий князь, обдав ее грудь опаляющим дыханием.

Чуть не плача, Лиззи подчинилась его приказу, и, раздвинув ноги, просунула руку к себе в трусики, принявшись неумело гладить зудящий мокрый бугорок, и от каждого движения ее пальчиков по телу прокатывалась сладчайшая волна.

Леоне облизал тёплым языком сначала одну ареолу соска, а затем другую. Просунув палец под бусы, обвивающие ее шею, князь натянул их до предела, так, что жемчужины впились в нежную кожу. Лиззи дёрнулась и закусила губу, чтобы не закричать. Нитка не выдержала, и бусы лопнули, брызнув по черной зеркальной поверхности стола, осыпая девушку шёлковым градом.

И в этот момент великий князь вонзил клыки в том месте ее шеи, где билась тонкая голубая жилка и принялся жадно пить ее кровь. Боль смешалась с наслаждением в одно неделимое целое, Лиззи чувствовала с Константином неразрывную связь и это было просто потрясающе. Слезы текли и текли по вискам, но каждый его глоток возводил ее все выше и выше, пока, наконец, она не забилась в судорогах первого в своей жизни оргазма.

– Что нужно сказать, десмондка? – хрипло поинтересовался Константин Леоне.

Он навис над ней, страшный в своем опьянении ею – подбородок и чувственные губы в ее крови, а в голубых глазах полыхает дьявольский огонь.

– Благодарю вас, – жалко прошептала измученная Лиззи. – Ваше Сиятельство, благодарю...

Глава 4. Магия крови

Перед занятием по магии крови Лиззи, как староста, проследила за тем, чтобы аудитория была подготовлена: проветрила помещение, стерла с грифельной доски вопросы к семинару второкурсников по ВВПОК, поставила на кафедру преподавателя бутылочку с водой. Это занятие у их группы десмондов Д было сдвоенным с группой вампиров А и девушка, как и ее одноклассники, была не особо довольна таким соседством.

Глядя на Д-шников, как на плебс, А-шники рассаживались по скамьям. Высокомерные ухмылки, оскаленные клыки, брендовая одежда, новейшие гаджеты и море презрения к тем, кто не является вампирами...

Особо усердствовали сливки А-шек – брат и сестра Дино и Лудовика из старейшего и влиятельнейшего вампирского дома Росси и их подпевала Пьетра ла Сарто. Наблюдая за Лиз, огненно-рыжие близнецы и верная болонка перешёптывались и ухмылялись очень уж неприятно.

У Лиззи даже на пару мгновений сердце перестало биться от жуткой догадки: знают, знают про нее и ректора! Но затем она смогла себя успокоить: вампиры насмежаются над ней, дампиром, очкастенькой заучкой в платье, пошитом своими руками, а не купленном в дорогом бутике.

На всякий случай Лиззи проверила кресло профессора и покачала головой: так и есть! На сиденье кто-то насыпал почерневших упыриных когтей. И где их только взяли? Бедный профессор Пуйкан – рассеянный чудак, добрейшей души десмонд, над ним издеваются все, кому не лень! Наверняка кто-то из вампиров постарался, они его в грош не ставят!

Сдержав брезгливую гримасу, Лиззи принялась сгребать ногти в бумажный кулёк, но, подняв голову, увидела прямо над собой Дино Росси – накачанного красавца с вечным выражением лица, будто лимон в рот положил.

– Слишком много на себя берешь, десмондка, – напирая на нее, процедил Росси. – Сядь-ка, отдохни, безклыкая, а то надоела перед глазами мелькать! Только не забудь вернуть на место когти.

– Нет! – твёрдо сказала Лиз, выпрямляясь. – Я не позволю издеваться над профессором Пуйканом!

– Что ж, тогда тебе же хуже, толстолобая, ведь место Пуйкана займёшь ты, – не стал настаивать Дино, переглянувшись с сестрой.

Лиззи не испугалась угрозы, она была рада, что смогла предотвратить глупую и жестокую шутку над профессором магикро, которого втайне жалела, и все же девушке стало не по себе: она понимала, на что могут быть способны сливки А-шек.

Впрочем, по сравнению с тем, что делает с ней Констан-

тин Леоне, это, в любом случае, будет детский сад.

Стараясь не думать о ректоре, Лиз заняла свое место рядом с Виктором, который тут же накинулся с вопросами.

– Клыкастый обидел тебя, девочка моя? Я убью его! Что Росси сказал? Отвечай!

Лиз ответила, постаравшись обернуть все в шутку, но Виктор завелся буквально с полоборота, заявив, что никто не должен оскорблять его девочку и он поговорит с Росси. Да так, что тот не посмеет даже приблизиться к Лиззи. При этом парень кидал на близнецов свирепые взгляды, над которыми те в открытую смеялись.

Испугавшись, что Виктор действительно пойдет разговаривать «по-мужски» с Росси, Лиз принялась успокаивать парня. Она подумала, что ничем хорошим это просто не кончится, да и, в конце концов, не так уж она и оскорблена. Росси в своём репертуаре – снобы, уверенные, что весь мир крутится вокруг них.

«Если уж на то пошло, кое-кто оскорбляет твою девочку намного сильнее, нежели Дино», подумала Лиззи с горечью.

Но тебе нельзя знать об этом, Виктор, просто нельзя!

Между тем, как всегда, немного опоздавший профессор Пуйкан, суматошно влетевший в аудиторию, начал лекцию.

– Итак, студियोzy, сегодняшняя тема очень важна, поэтому попрошу вас не отвлекаться и прилежно записывать все, что я говорю, – объявил Пуйкан и был удостоен откровенных насмешек вампиров, но по своему обыкновению, сделал

вид, что ничего не слышал.

«Сорта крови» вывел профессор на доске и несколько раз подчеркнул название темы.

– Разумеется, вы знаете, что вампиры пьют кровь исключительно дампиров и десмондов, то есть ту, в которой есть примесь человеческой крови. У дампиров – половина, у десмондов, соответственно, четверть. Отдавать или не отдавать свою кровь, становиться сосудом для вампира или нет – дело сугубо добровольное. Но, внимание, сосуды бывают разные! Существует шесть сортов крови и каждый обладает своими характеристиками: питательностью и вкусовыми качествами. Срисуйте с доски табличку «Сорта крови сосудов» и сейчас мы вместе ее заполним... Так, начали! Сорт первый: эпсилон, чрезвычайно для вампира невкусный, но очень питательный, быстро восстанавливает силы и утоляет жажду. Омикрон – невкусный, непитательный, с таким сортом в сосуды, увы, даже при всем желании не возьмут. Тау – безвкусный, как вода, и при этом непитательный, та же история, что с омикроном. А вот сорт ро, хоть и безвкусный, но довольно питательный. Фита – вкусный сорт, но совершенно непитательный, в отличие от дигаммы, который в мире вампиров принято считать на данный момент идеальным – он и вкусный, и питательный. Я хочу, чтобы под табличкой вы вписали еще один сорт крови, это сигма, так называемый сладчайший сорт крови с дивным ароматом и, по свидетельству старых вампиров, изысканейшим вкусом, а так же вы-

сокой питательностью. Но увы, он настолько редок, что в наше время уже и не встречается, потому я прошу вас просто пометить его под табличкой и знать.

– Профессор, вы сказали, что вампиры пьют кровь только дампиров и десмондов... – раздался голос Бениэмина Рыдоля, одноклассника Лиззи и Виктора. – А как насчет людей?

– Согласно подписанной в 1916 году вампирскими домами Хартии о неразглашении тайны, вампиры не должны соприкасаться с миром людей и каким-либо образом выдавать свое существование, – ответил Пуйкан, задумчиво чертя что-то мелом на доске. – Но, увы, в нашем мире есть те, кто стоит вне закона. Кто безжалостно, с особой жестокостью убивает людей, вампиров, дампиров и десмондов, не делая меж ними различий.

– Вы говорите об упырях, профессор? – Лиззи подняла руку. – Но в «Красном маке» я читала, что дома уже практически расправились с ними!

– «Мак» принадлежит дому Квантрокке. Я могу сказать вам то, чего не напишут в газетах, – преподаватель мял мелок в пальцах, не замечая, что крошит его себе на брюки. – Упыри не обладают сверхспособностями, но очень сильны и практически неуязвимы. Да, дома не признают, что никак не могут справиться с этой угрозой.

– Выбирай выражения, Пукан! – процедила со своего места рыжеволосая красотка – Лудовика Росси. – Если влиятельный вампирский дом написал в своей газете, что упыри

побеждены, значит так оно и есть! И не пристало какому-то десмонду судить Квантрокке!

Бедняга Пуйкан, как и всегда, в подобных случаях, никак не ответил Росси, разволновавшись, он принялся сбивчиво диктовать тему практикума, и Лиззи, по обыкновению, стало очень его жаль.

Возможно, раньше бы она и смогла ответить Лудовике, что в «Красном маке» пишут только то, что выгодно управляющим их княжеством Вайорика вампирским домам, но сейчас сама была растеряна и подавлена, и не нашла в себе сил за него заступиться.

После занятия по магикро Лиззи никак не могла отделаться от роящихся в голове мыслей. Константин Леоне сказал, что запах ее крови слишком сладкий даже для сорта дигамма или фита... Тогда, может быть... Может быть, ее сорт – редкая и сладкая сигма и великий князь оставил ее в академии даже не ради секса, не ради того, чтобы иметь под рукой послушную наложницу (этого добра у такого, как Константин, очевидно, навалом), а ради ее редкой деликатесной крови! Лиз для великого князя темных всего лишь племенная скотина...

А, впрочем, даже еще хуже – она его кровавая шлюха, и если кто-то узнает, это позорное пятно со своей репутации ей никогда не смыть. Лиззи судорожно вздохнула, сжав кулаки так, что на коже ладоней остались глубокие лунки ногтей. Она велела себе не думать об этом, осознание собствен-

ного бесчестья тяжким грузом ложится на душу, отягощаемое черными, тяжелыми мыслями о своей ненормальности, своей испорченности, своем распутстве...

Но есть кое-что, что рушит теорию о ее особенном сорте крови на корню. При поступлении в Академию вампиров все студиясы в обязательном порядке сдают кровь в подземной лаборатории на анализ.

Лиззи знала свой сорт, у нее ро – безвкусная, но достаточно питательная для вампиров кровь. А это значит, Константина Леоне интересуется лишь секс... Вернее, не только он, а возможность унижить ее, втоптать в грязь, поиметь, поставить в полную от себя зависимость...

Охваченная невеселыми мыслями, Лиз сидела в библиотеке, пытаясь подготовиться к завтрашнему семинару по ВВ-ПОК. Странная аббревиатура расшифровывалась как Вампиры в популярной культуре. Лиззи нравился этот предмет, на котором настоящие вампиры изучали, как они представлены в человеческих книгах, фильмах и даже клипах музыкальных групп. Зачастую это было очень забавно.

Лиззи только начала писать сопоставительную характеристику двух наиболее популярных в человеческом мире вампирских циклов, как в библиотеке появилась Джина Моранте. Вампириша склонилась к уху девушки и негромко проговорила:

– Бет, твой идиот затеял разборки с близнецами Росси.

Останови слабоумного, пока не поздно, ссориться с отпрысками влиятельнейшего дома княжества опасно для здоровья!

Ну вот, этого только не хватало! А она-то уж было решила, что успокоила Виктора! Угодники, зачем он полез к Росси?

Близнецы обладают одной чрезвычайно сильной сверхспособностью на двоих, а при их характерах это просто взрывоопасная смесь!

Как взволнованная девушка ни торопилась, все равно, кажется, опоздала. Конфликт на заднем двореке академии разгорался. Ухмыляющиеся Росси в окружении своей свиты надвигались на Виктора, а Лиззи вдруг не к месту подумала, что раньше как-то не обращала внимания, насколько же он высок и худ. Наверное, весит килограмм сорок, не больше...

Отступать ее жениху было уже некуда: позади него плескалась покрытая кувшинками вода фонтана.

– Так что ты там вякал, сквернокровка? – скалился Дино Росси. – Чтобы я не смел приближаться к твоей возлюбленной? Иначе что?

– Иначе ты сильно об этом пожалеешь, мразь! – огрызнулся Виктор.

– Полагаешь, малыш? – Лудовика выгнула рыжую бровь, и Виктор плюхнулся в воду прямо своей пятой точкой, подняв фонтан брызг.

Потревоженные кувшинки заколыхались на воде.

– Сволочи! – закричал Виктор, пытаясь выбраться из бас-

сейна. – Будьте вы прокляты, ублюдки!

– А мы и так, – ухмыльнувшись, ответил Дино Росси, и добавил, указав на мокрые штаны парня. – Что с тобой, малыш? Обмочился? Думаю, твои штанишки неплохо было бы просушить на ветру!

Одним взмахом руки брат-близнец перевернул Виктора вниз головой и поднял его на несколько метров над землёй.

Легко быть сильным, когда ты обладаешь телекинезом. Несчастный парень извивался в воздухе, его лицо покраснело, а штанины задрались, обнажив тощие бледные щиколотки и нечищенные голенища сапог.

– Пожалуйста, не надо! – Лиззи бросилась к помирающим от смеха вампирам. – Он же сейчас задохнётся!

– Гляди-ка, сквернокровка, твоя подружка нарисовалась! – обрадовался Дино Росси. – То-то я чувствую, скверной кровью засмердело! Как там, ты говорил мне нельзя делать? Вот так?

И он изо всех сил толкнул Лиззи – она упала.

– А если я сделаю вот так? – с помощью телекинеза Росси отбросил Лиз на пару метров, и она больно ударилась макушкой о каменную стенку. – А если я выну член и прикажу ей отсосать? Тоже скажешь нельзя, да, сквернокровка? Впрочем, я, ладно уж, не стану трогать эту милую очкастую уродинку, если мне отсосешь ты, выродок! Как на это смотришь?

Росси опустил Виктора и тот тяжело плюхнулся на камен-

ные плиты. Из носа у него текла кровь, тёмные волосы были растрёпаны, и он никак не мог отдышаться.

Лиззи в ужасе закричала, но Пьетра ла Сарто с помощью своей способности заглушила ее крик. Бедный Виктор! Неужели они заставят его? Неужели так унизят? Она не должна этого допустить!

– Что здесь происходит?

Голос Константина Леоне Лиззи бы не спутала ни с чьим другим. Ректор стоял в арке в идеальном черном костюме Бриони, в до хруста накрахмаленной белой рубашке и до блеска начищенных черных ботинках из кожи аллигатора, распространяя вокруг себя ауру уверенности и холодного высокомерия.

В первую секунду, как его увидела, Лиззи была готова броситься ему на шею, но затем про себя усмехнулась своему глупому неожиданному порыву.

– Ваше Сиятельство, этот десмонд угрожал нам! – Лудовика Росси, откинув шикарную рыжую гриву волос, сделала по направлению к Константину несколько хищных шагов. – Сказал, что ненавидит нас, Ваше Сиятельство!

– Неужели, мисс Росси? – Константин выгнул бровь. – Поэтому вы применили к нему и студиозке Бредфорд свои способности? Телекинез против дверной телепортации и превращения воды в чай?

– Но Ваше Сиятельство, они...

– В каком году был принят закон, уравнивший права де-

смондов и вампиров, мисс Росси? – голос ректора был холоден, как лед.

– Я не помню! – с испуганным раздражением воскликнула Лудовика.

– В таком случае группа вампиров А будет собственно-ручно убирать аудитории академии. До тех пор, пока вы не вспомните, мисс Росси, – и ректор удалился, оставив Дино, Лудовику и остальных вампиров чуть ли не с открытыми от удивления ртами.

В какой-то момент Лиззи показалось, что он взглянул на нее, но, наверное, это был обман зрения, потому что она хотела этого. Слава святым, как же вовремя Леоне появился!

Сейчас она не ощущала к нему ненависти или страха, только благодарность, ведь если бы не он... Дьявол знает, что опьяневшие от собственной власти Росси сделали бы с ними! Девушка бросилась к Виктору, помогая ему подняться.

– Никто не просил твоего выроodka лезть на рожон и показывать, какой он мачо. Никто бы тебя не тронул, безобразная десмондка, кому ты нужна? – услышав тихий голос Дино Росси, Лиззи обернулась. – Но не теперь, малыши, не теперь... Вы оба заплатите за то, что посмели связаться с домом Росси и навлечь на нас недовольство великого князя темных. Заплатите полный счет!

Во взглядах близнецов было столько ненависти, что Лиз отвернулась и, поддерживая Виктора, поспешила прочь. Но неприятнее всего был какой-то тоненький голосок в голове,

шепнувший: «А ведь Дино Росси прав...».

Глава 5. Мы упали

Она должна была идти к Константину. Знала, что сегодня вечером он ждет, и предчувствие предстоящей ночи загодя тревожило Лиз.

Но она не могла оставить Виктора. Падая, он ударился головой о каменный бортик бассейна. Уложив парня на кровать в его комнате, Лиз сбегала в ресторан за колотым льдом, пакетик с которым Виктор с благодарностью приложил к макушке. Подсев к нему, девушка принялась осторожно стирать кровь с его лица, почему-то избегая смотреть Виктору в глаза.

– Ненавижу вампиров, – вдруг срывающимся голосом проговорил он. – Всех их ненавижу! Росси, Донате, Негри, Леоне! Все эти высокородные вампирские дома, кичащиеся от собственным богатством и безнаказанностью! Мы для них никто, Лиззи!

– Но... если бы не Константин Леоне, неизвестно, что произошло, – с запинкой возразила девушка. – Мне страшно даже об этом думать!

– Они бы никогда не заставили меня! – вскипел Виктор. – Никогда!

– Там был второкурсник Франциск Ариосто, а он, насколько я знаю, обладает способностью подчинения, – тихо

проговорила девушка. – Пообещай, что больше не будешь так безрассудно подвергать себя опасности! Я очень испугалась за тебя!

– Предлагаешь отсидеться в кустах, когда мою любимую обижают? – разозлился Виктор.

Лиззи не знала, что ответить, чтобы не задеть его гордость. Он вступился за неё, да... Но лучше бы не вступался, потому что это лишь навлекло на их головы новые проблемы. Открытый конфликт с близнецами Росси – что может быть хуже? Святые угодники, она опаздывает к ректору, но как уйти так, чтобы не обидеть Виктора?

– Просто я очень сильно тебя люблю, и не потерплю, чтобы кто-то посмел тебя оскорбить, – проговорил парень, накрыв руку Лиз своей ладонью. – Ляг со мной, пожалуйста, девочка моя.

Юноша подвинулся, вытянув руку в сторону, и Лиззи ничего не оставалось, как лечь на его плечо, положив ладонь ему на грудь. Стыдно! Почему ей не хочется лежать с ним, обнявшись, как бывало раньше? Почему все, чего она хочет, оказаться подальше от своего парня?

Ненормальная! Ненормальная, испорченная!

Виктор сильно прижал ее к себе и, склонившись к лицу Лиззи, приник к ее губам. Нежно целуя девушку, положил руку ей на бедро. Затем его язык осторожно раздвинул ее губы и принялся исследовать ее рот, шаловливо заигрывая с ее языком. Рука Виктора робко поползла вверх и вдруг ока-

залась у Лиззи между ног.

Она привычно попыталась отстраниться, но на этот раз Виктор не отпустил ее, целуя с все большей страстью, а его тонкие пальцы скользнули ей под платье.

– Ого, да ты в чулках, любимая! – восхитился он, и его чуть влажные пальцы принялись ощупывать кружевную резинку. – Не ожидал!

– Виктор, нет, – мягко проговорила Лиз, убирая его руку. Поднялась с его кровати, прошла по комнате. Да что с ней такое? Его прикосновения ей неприятны, но ей ужасно не хочется его обижать!

– Мне нужно идти, – сказала Лиззи, избегая смотреть ему в глаза. – Завтра семинар по ВВПОК, а я даже не открывала учебник!

Обманщица! Как же противно врать! Нужно сказать Виктору, что они больше не могут быть вместе. Нужно быть с ним честной – ведь он не заслужил лжи.

– Элизабет, родная моя девочка, что с тобой? – спросил парень, садясь на постели. – Почему ты все время убегаешь от меня? Ты потрясающая и больше всего на свете я хочу сделать тебе приятно!

Лиз закусила губу. Как же сложно, святые угодники, как же сложно начать!

– Я.. я не готова к этому... – жалко пробормотала она. – Виктор, я... Я не могу. Ты очень хороший, но...

– Милая моя девочка... – ласково улыбнулся он, перебив

Лиззи. – Чего же ты боишься? Что смущает тебя? Давай развеем все твои страхи и, я уверен, тебе будет проще осознать, что я твой человек! Как будто я тебе чужой... Думаешь, не пойму тебя? Я хочу быть нежным, хочу, чтобы тебе не было больно. Я прислушиваюсь к тебе и мне очень важны твои ощущения... Ты мне очень важна, я хочу участвовать в твоей жизни. Помогать тебе разобраться в себе, понимать и понять... Если ты не готова сейчас – я подожду, и буду ждать столько, сколько потребуется!

Этот бесконечно любящий, нежный взгляд... Делиться переживаниями? Лиз едва сдержала истерический смех. Рассказать Виктору про то, что теперь она кровавая шлюха Константина Леоне? Про то, как захлебывалась оргазмом, когда ректор пил ее кровь? Лиз закрыла лицо руками. Грязная, испорченная лгунья! Вот сейчас, сейчас она скажет Виктору, что так больше продолжаться не может.

– Я Люблю тебя, Лиз, – торжественно проговорил Виктор. – Полюбил с первой секунды, как только увидел, и буду Любить до конца своих дней. Как же я хочу целовать каждую клеточку твоего тела. С ножек, пальцев на ногах до самого лба, как я томлюсь в истоме от предвкушения момента овладения тобою... Союза наших тел, переплетения и взаимопроникания... Как я желаю с животной страстью овладеть тобой и насыщаться твоею красотой, твоим великолепием... Хочу припасть к твоим сочным грудям, хочу ощутить под своей рукой влажность твоего междуножья, хочу,

чтобы твоя маленькая ручка прикоснулась к моему подрагивающему от возбуждения члену, чтобы он нашел свой долгожданный приют в твоей девочке... Каждое утро я ласкаю свой член, мечтая, что это ты ласкаешь его и разряжаюсь бурной, мощной струей, представляя, что когда-нибудь она потечёт по твоему лицу, твоим аппетитным грудкам... Но я не смею говорить тебе обо всем этом, просто не смею!

Он закрыл лицо руками, явно ожидая, что она подойдет.

– Святые угодники, Виктор, – прошептала девушка, отступая назад, огорошенная его жаркими признаниями. – Я не...

Не давая ей договорить, парень бросился перед Лиз на колени.

– Если мы расстанемся, я умру, – выдохнул он, покрывая поцелуями ее руки. – Мне просто незачем станет жить, слышишь, родная моя? Любишь меня, скажи, любишь?

Глядя в его умоляющие глаза, Лиз просто не смогла сказать «нет». Наврала с три короба и ускользнула из комнаты, испытывая тяжёлое, давящее чувство вины, злость на себя и жгучий, пронизывающий насковзь стыд.

Бежала по тёмным приусадебным аллеям к особняку Леоне, отчаянно замерзая в накинутом на плечи жакете. От волнения в животе словно скрутился тугой узел, и Лиззи ощущала приступ дурноты.

Что ждет ее в доме Леоне?

Обняла себя леденеющими руками, а перед глазами про-

должала стоять картинка: Виктор на коленях перед ней целует ей руки.

Ее парень, которому бы и в страшном сне не приснилось, куда она от него сейчас пойдет...

Посредине роскошной в своём минимализме, в четких линиях и лаконичных цветах комнаты прямо внутри стены за стеклянной перегородкой полыхает камин.

Константин Леоне, откинувшись в кресле, задумчиво смотрит на огонь. Воротник кипельно-белой рубашки растегнут, а рукава закатаны, великий князь выглядит расслабленным, но это не так. Даже не взглянув на нее, смущенно замершую на пороге, Леоне велит ей сесть возле его ног. Велит, как ручной собачонке.

Она сбрасывает жакет и, вся дрожа, точно натянутая струна, садится на пушистый ковер спиной к нему. Константин выдергивает заколку из ее волос, и они рассыпаются по спине, окутывая ее облаком: пышные, тяжёлые. Леоне забавляется с ними, то скручивая в жгут, то распуская.

От одного его присутствия рядом, от его остро мужской энергетики у Лиззи сладко-сладко замирает сердце, а лоно наполняется влажным желанием.

А ведь князь даже ее не коснулся...

– Ты опоздала, – лениво протянул Константин, будто ему это совершенно безразлично, но от низких, хриплых ноток в его голосе у Лиз по спине ползут мурашки. – Что задержало тебя, десмондка?

– Простите, Ваше Сиятельство... – проблеяла она. – Этого больше не повторится!

Его рука с часами на запястье, которые по стоимости сравнятся со всем этим поместьем, ложится на ее шею.

– Это не тот ответ.

Подушечкой большого пальца Леоне поглаживает сонную артерию, которая ветвится под прозрачной кожей и девушку пробирает крупная дрожь, а потом мягко надавливает, пережимая ток горячей, сладкой крови.

В ушах Лиззи бьётся пульс, перед глазами рассыпаются звезды красного, зелёного и синего цвета, а затем взрываются новой вселенной, когда Лиззи умирая от удушья, чувствует поцелуй князя, точно раскалённое тавро, впечатавшийся в ее губы и вдохнувший в нее жизнь.

Девушка откашливается и с трудом дышит, и слёзы градом катятся из глаз – он почти что убил, задушил ее, а она от этого чуть было не кончила.

Есть ли на свете более ненормальное существо, чем она?

Правду. Константину Леоне нужно говорить только правду. Она усвоила урок. По приказанию князя Лиз раздевается, обнаженной ложится на ковер и закрывает глаза. Нежный, пушистый ворс ласкает кожу,

Лиз гладит его, точно живое существо.

– Я была с Виктором, хотела убедиться, что с ним все в порядке, – смущается она. – Мы встречаемся и...

Замолчала, ощущая себя полной дурой. Святые угодники,

кому она это говорит?

– Ты девственница, – Леоне не спрашивает, просто констатирует факт и Лиззи краснеет до корней волос, не понимая, откуда он знает. – Почему еще не переспала с этим демондом?

Великий князь тёмных хочет поиметь не только ее тело. Он хочет вывернуть наизнанку ее душу. Нужно отвечать правду, только правду...

Как стыдно, святые, как же стыдно!

– Потому что я не хочу его, – голос срывается. – Потому что сегодня он показался мне таким... жалким. Потому что его прикосновения мне неприятны.

– Сегодня этот юноша говорил, что любит тебя, да, демондка?

Лиз кивнула. Больше всего на свете ей хочется поднять ресницы и увидеть его, но она не смеет.

Эти вопросы и эти ответы... Лучше бы пытал ее, лучше б выпорол, но только не заставлял признаваться в таких откровенных и постыдных вещах.

– А ты в это время представляла, как я тебя трахаю, ведь так?

«Да! Да! Да!» чуть было сладострастным стоном не сорвалось с ее уст...

– Пожалуйста, хватит, – Лиз все-таки подняла мокрые от слёз ресницы. – Отпустите меня, Ваше Сиятельство, я поеду домой. Я не хочу больше. Не хочу быть такой...

Леоне был совсем близко и его голубые глаза манили и губили глубиной своего неизведанного моря. Константин взвесил в руке невесомый пушистый локон и положил ладонь на ее грудь, сжав набухший сосок.

Лиз выгнулась и закусила губу, чтобы сдержать стон. Каждая клеточка ее тела предательски молит о нем, но больше всего на свете его жаждет ее лоно, словно цветок, который должен вот-вот раскрыться.

Интуитивно Лиз чувствует, что подошла к последней черте, к рубежу, за которым лишь мрак.

– Ложь.

Это слово падает на нее бетонной плитой, ложится тяжким грузом и Лиззи понимает, что на самом деле уже переступила ту, последнюю черту. Нет зрелища агрессивнее и сексуальнее, что великий князь Константин Леоне в брюках с расстёгнутым ремнём и распахнутой рубашке, под которой виднеется рельефно вылепленный гладкий торс.

Он вжимает ее в ковер и Лиззи стонет, когда ее груди плотно прижимаются его грудной клеткой.

От этого поцелуя можно умереть: легонько прикусив ее нижнюю губу, Леоне с легкостью преодолевает ее сопротивление, получив ее рот в свое полное и безраздельное владение и сплетая свой язык с ее языком в какие-то фантастические соединения, волшебные буквы самого эротического языка на свете.

Девушка, изнемогая, чувствует, как течет по бёдрам

обильно выделяющаяся из ее лона смазка. Преодолев на пути хрупкую преграду, Константин Леоне входит в нее и Лиззи закрывает глаза.

*Мы упали, мы упали прямо в розы красные,
Мы взлетели, мы взлетели прямо в небо ясное...*

Это шелк розовых лепестков и мучительная боль острых шипов. Это мягкость перистых облаков и пронзительный холод вечной бездонной синевы.

Он движется внутри нее, сначала медленно и даже, как будто, осторожно, но затем все сильнее и сильней, и девушка чувствует, как наполняется, насыщается им ее естество, и рвется ему навстречу, неумело пытаясь подхватить заданный им ритм, словно восходя по гигантской лестнице в небо.

Широко распахнув ошеломлённые глаза, Лиззи, шалея от восторга, видит над собой склонённое лицо великого князя тёмных, его идеальные черты самого красивого мужчины на планете.

Перед тем, как укусить, он смотрит на нее в упор, а затем, не прерывая движений бёдрами, вонзает клыки в ее сонную артерию и тягучими глотками пьёт кровь.

Мы взлетели... Мы упали... Голубое и красное...

Небо и земля меняются местами, и ворох красных лепестков падает в бесконечную голубизну, а Лиз, наконец, заканчивает свое восхождение в небо, достигнув пика удовольствия.

Ее бедра сводит судорогой неукротимого оргазма и лоно

истекает сладкой влагой, которая смешивается с его изливом, когда несколько минут спустя в нее кончает Константин.

– Восхитительное, утонченное, сводящее с ума лакомство... – раздался в самом ухе вкрадчивый шёпот Леоне. – Ты принадлежишь только мне.

В предрассветных сумерках, когда все кажется розово-серым, воздух прозрачен и холоден, а птицы еще не начали свою песнь, Лиззи возвращалась в свой маленький домик, где занимает комнату на втором этаже, неся внутри звенящую пустоту.

Шорох позади... Словно шаги... Девушка с беспокойством посмотрела назад, но за спиной никого не было. Только неподвижные кроны деревьев, только свежесть наступающего утра, только постыдные призраки проведенной с Константином Леоне ночи.

Наверное, ей просто показалось...

Успокоенная, Лиззи обернулась и вздрогнула от ужаса.

– Привет, киска! Ты, часом, не заблудилась?

Ненормальный он был. Ненормальный и... жуткий. Иссиня-бледная кожа, черные круги, залёгшие под ярко-зелёными, как у кота, воспалёнными глазами, кроваво-красные тонкие губы, кривящиеся в ехидной усмешке.

Но хуже всего зубы, зубы, которые он по какой-то своей странной прихоти оплавил серебром – не только клыки, а все до единого. Одевался всегда с иголки, но с некоторой

небрежностью: вот и сейчас, на зауженных черных брюках стрелки, но тёмно-фиолетовая рубашка расстёгнута чуть ли не до живота, обнажая ужасающие татуировки, которыми забито его тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.